

5. Крылов В. С. Особенности реализации комплексов мимических, жестовых и позных движений в зависимости от типологии личности и пространственного окружения. // Вопросы этологической физиологии человека и животных (Под ред. В. Г.Сидякина). – Симферополь, 2000. – С. 70–132.
6. Крылов В.С. Слово и поступок в политике: реализация некоторых врожденных программ социального поведения. Биополитический аспект.// Учёные записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Философия. – Т.19 (58). – №1. – С. 218 – 223.
7. Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. Философские, политологические и практические аспекты. – М.: Институт философии РАН, 2001. – 139 с.
8. Хелемендик С. Откуда берутся субмиссивные политики. ('Preco?', Словакия) // <http://www.inosmi.ru/translation/226391.html>
9. Somit Albert and Peterson Steven A. Darwinism, Dominance, and Democracy The Biological Bases of Authoritarianism. Human Evolution, Behavior, and Intelligence Praeger Publishers – Westport, Conn. 1997. – 160 p.

Кумкин И.А.

ПРИЗНАНИЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ВОЛИ К ВЛАСТИ АВТОРИТЕТА

Актуальность заявленной проблемы подтверждается нынешним статусом человека, его психологической напряженностью в условиях неопределенности ближайшего будущего. Трансформационные процессы общества постсоветского пространства, передел собственности, поиск своего пути в значительной степени обострил и вопрос о власти и властных отношениях. Ныне, в условиях, когда старая шкала ценностных ориентиров не работает, а новая еще не сложилась, этот вопрос прочно поселился в исследовательской практике историков и политологов, социологов и философов.

Цель статьи – рассмотреть признание как первичное выражение воли к власти, которое влечет за собой стремление к контролю над другими. Цель определила и задачи исследования: рассмотреть феномен признания как объект социально-философского анализа; выявить связь признания и индивидуальности; осуществить сравнительный анализ претензии на признание в различных моделях общественного устройства; исследовать метаморфозы признания в условиях власти авторитета и авторитета власти; рассмотреть специфику признания в условиях общества переходного периода.

И. Кант в «Критике чистого разума» сформулировал три вопроса: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Заявленные вопросы немецкий мыслитель рассматривает через проекцию возможностей теоретического и практического разума. В рамках сложившейся парадигмы «панрационализма» такая постановка вопросов казалась безупречной и самодостаточной, так как несла надежду, что человек с помощью разума найдет оптимальное их решение, как предпосылку ответа на главный вопрос, а что есть человек. Достойного ответа не получилось. «За кадром» оставался еще один вопрос – «что я делаю в этом мире и почему я это делаю зачастую вопреки разуму, демонстрируя свою индивидуальность?»

Постклассическая философия, а вслед за ней социология, а позже социальная психология и политология показали, что типичное и повторяющееся в рамках парадигмы «панрационализма» явно уступают место индивидуальному и неповторимому. Являясь результатом адаптации индивидом наработанного общественного опыта, индивидуальность формируется личными усилиями и личным опытом. Она складывается в точке пересечения связей и отношений, в которых был и остается индивид в процессе своей жизни в рамках конкретной социальной действительности. Другими словами, индивидуальность есть всеобщность, воплощенная в человеческом «Я». Но это уже особая всеобщность, пропущенная через сознание человека, наделенное исключительной способностью сказать в каждом конкретном случае «нет» или «да». Способность сказать «нет» как внешним требованиям мира, так и внутренним потребностям организма является конститутивной чертой человека. Благодаря этой атрибутивности, индивидуальность имеет свое лицо и свою дистанцию от других.

Индивидуальное заявляет о себе как субъективный фактор развития. Будучи обусловленным наличными объективными условиями общественного бытия, субъективный фактор может стать и, как правило, становится решающим фактором. Эта способность обусловлена наличием в человеке воли к жизни и воли к власти. В сложившейся кризисной ситуации индивид озабочен не только решением проблемы, но и необходимостью выбора путей ее решения. Воля индивида страдает. И тем не менее индивид включает вектор развития не только индивидуального, но и общественного бытия, ибо мир человека – это его творение (творчество). И это состояние можно проследить через феномен признания как выражение (проявление) воли к власти.

Феномен признания ломает сложившиеся стереотипы познания сущности человека. Он предлагает заменить анализ абстрактной сущности человеческого «Я» анализом жизненной энергии конкретного человека. Эта энергия, достигнув критического уровня, обеспечивает меру самовыражения человека и его самоосуществления. Она наполняет бытие человека смыслом. Если окружающий мир заявляет о себе своей бытийностью, то смысл обнаруживает себя исключительно через соотнесенность, через акт формирования инобытия и утверждение своего признания.

Человек изначально ориентирован на удовлетворение жизненных потребностей. В этом отношении он практически не отличается от животного. Но, кроме витальных потребностей, у человека есть и другие потребности, среди которых особое место занимает желание обеспечить свое признание. Ради признания человек готов преодолеть даже такое глубинное чувство как инстинкт самосохранения. Ставка на утверждение своего престижа (авторитета) больше, чем воля к жизни. В этом желании можно увидеть проблеск человече-

ской свободы и выбора между волей к жизни и волей к власти. И это не абстрактная воля к власти, а конкретная воля к власти над другими, способная страдать, идти на жертвы и даже подчас заключать «договор» со смертью.

Желание человека к признанию предполагает соотнесенность оценки других людей и своей самооценки, что позволяет создать образ своей значимости. И если этот образ не разделяют другие, то у носителя этого образа возникает чувство гнева и складывается модель враждебности. Эта враждебность исключает доверие и диалог, компромисс и толерантность. Ни о каком согласии не может быть и речи. Место согласования элементов в системе, именуемой обществом, согласования части и целого занимает противостояние и противоборство, где нет победителя, а есть только побежденные.

Если в соотнесенности оценки других и своей самооценки человек не оправдывает свое представление о своей значимости, он переживает чувство стыда, испытывает страдания своей воли. Последнее усиливается акцентуацией личности, ее маргинальностью и неспособностью к самоидентификации.

Наконец, когда оценка других совпадает с самооценкой, индивид испытывает чувство гордости. Подтверждение своего престижа (авторитета), располагает к поиску гражданского согласия через осуществление доверия и диалога, компромисса и толерантности. Через механизм социализации индивид не только осуществляет акт идентификации в кругу своих, но и обретает чувство солидарности с надеждой на осуществление такой общечеловеческой ценности как справедливость.

А в целом жажда признания, утверждения своего престижа (авторитета), а также сопутствующие чувства вероятного гнева, стыда или гордости – это уже те признаки протогражданина, которые обеспечивают субординацию и коммуникации социума, создают условия интеграции людей и их социализации через механизм проекции, идентификации и символизации с группой своей солидарности.

Первой формой осуществления претензии на признание явилась власть авторитета в условиях рода. Род обеспечивал переходный период от биологической популяции особой проточеловека к социальной общности людей, заложив основания общественного сознания и обеспечив предпосылки становления традиционного общества.

Это сообщество людей имело свой регламент, свою систему координат, где вертикаль обеспечивалась властью авторитета, а горизонталь – коммуникациями людей. И то, и другое носило характер тех субъектно-субъектных отношений, которые обеспечивались через утверждение и принятие авторитета как на уровне вертикали власти, так и на уровне горизонтальных общественных отношений.

Если первой формой осуществления признания можно считать патриархальную семью, то второй формой выступает власть авторитета сообщества. И в первом, и во втором случае признание заявило о себе как атрибутивность человеческого «Я» в форме осуществленного престижа (авторитета). По своей силе и направленности эта атрибутивность выше витальных потребностей и даже инстинкта самосохранения. Далеко не все в состоянии заявить о своей власти авторитета на уровне семьи. Тем более, только единицы могут осуществить эту власть на уровне общины. Это должна быть ярко выраженная индивидуальность, обладающая той критической массой энергии, которая делает личность первой с готовностью идти впереди всех и вести других за собой. И эта способность определяется как претензией на признание, так и осуществлением этого признания.

По-разному складывалась судьба различных исторических типов общины. Но власть авторитета, в любой её модификации, демонстрирует ограниченность возможностей разрешить противоречие между частью и целым. По мере своего развития, сообщество людей, в форме общины, демонстрирует не способность обеспечивать оптимальный регламент отношений людей, неравных по своей природе. Место сообщества занимает структурно организованное общество, где власть авторитета уступает место авторитету власти. Авторитет власти заявляет о себе через становление института государства и оформление политической системы, способной организовать коллективную волю и коллективное сознание людей, мобилизовать население на решение задач, выходящих за пределы возможностей индивида или его семьи. Авторитет власти создает новые условия для проявления индивидуальности и осуществления её претензии на признание. Он не только создает новые условия, но и поднимает «планку» требований для соискателя претензии на признание. Это должна быть не только мудрая, но и харизматическая личность.* Харизму определяют как наделение лидера особой благодатью, даром пророчества, незаурядной волей, необычайными организаторскими способностями. При этом, решающее значение имеет не столько само обладание харизмой, сколько признание её со стороны других [2].

Как правило, харизматические личности появляются в период радикальных социальных изменений. Это время переходного периода между старым качеством общества, которое исчерпало свой потенциал, и новым качеством общества, которое заявляет себе радикальными идеями достойного ответа историческому вызову. Переходный период имеет три этапа: разрушение, поиск основополагающих идей и созидание. Каждому этапу присущи свои проблемные ситуации [3].

И на каждом этапе возникает историческая потребность в разрушителях (дестроерах), собирателях новых идей и созидателях нового качества общественного развития. И в каждом случае появляются свои соискатели с претензией на признание их авторитетности, а также готовности осуществить эту претензию на практике, через отношение харизматического лидера и тех, кто признает и принимает их авторитет. Так сложилась судьба М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, Л. М. Кравчука и Л. Д. Кучмы. Так будет складываться судьба тех, кто

* Харизма (греч. Charisma – божественный дар) – термин, получивший «прописку» в политологии и социологии благодаря М. Веберу, который использовал его для характеристики политического лидера.

предложит идеи достойного ответа историческому вызову, и тех, кто будет осуществлять эти идеи, организовав массы на их принятие и объективизацию в рамках разумной жизнедеятельности.

История европейской цивилизации показала, что дорога от власти авторитета к авторитету власти – это время формирования протогражданских ценностей, основу которых составляют жизнь и свобода, ответственность и формальное равенство, солидарность и справедливость. В условиях трансформации власти авторитета в авторитет власти эти ценности заявили о себе как ключевые ценности права, формирующие правоспособность человека как гражданина и обеспечивающие его дееспособность. Но практика показала и то, что в условиях господства авторитета власти в лице государства эти ценности декларируются как демократические, но не обеспечиваются в объеме ожидаемого. Государство, как авторитет власти, по своей сути обеспечивает регламент общественного развития. Но, будучи относительно самостоятельным образованием, государство стремится к трансформации. Из системы обеспечения развития общества, государство превращается в систему самообеспечения, о чем наглядно свидетельствует инверсия бюрократии в бюрократизм и факт отчуждения людей от власти. И только на уровне коммуникаций эти ценности заявляют о себе как гражданские ценности. В этом качестве они выступают гарантом признания достоинства человека, обеспечивают условия для самовыражения и самоосуществления, в том числе и в своей претензии на признание его престижа (авторитета). Только на стыке естественного и позитивного права, индивид получает возможность реализовать заявленные ценности и обрести подлинное признание как побуждение к свободе со всей мерой ответственности за поступки своей жизнедеятельности.

Сравнительный анализ осуществления признания в различных социокультурных парадигмах от античности до современности, а также в различных моделях общественного устройства в диапазоне от общества тоталитаризма до общества либеральной демократии, свидетельствует, что претензия на признание может быть реализована только в том обществе, где человек не декларирован в качестве цели, а является самоценностью.

Самоценность человека, в каждом конкретном случае, определяет соотношение цели и средства. Нельзя быть всегда и во всех отношениях только целью. Но нельзя, ни при каких условиях, принять раз и навсегда статус средства. Во втором случае индивид оказывается заложником воли другого человека или согласованной воли тех, кто организует политическую систему и осуществляет политический режим, декларируя всеобщие интересы, но преследуя интересы определенных слоев общества.

Будучи заложником воли Другого, индивид расстается с претензией на признание. Но эта атрибутивность человека живет в нем и проявляется, когда его энергия достигает критической массы. Сублимация этой энергии в признание авторитета этого индивида не выходит за пределы его семьи или ближайшего окружения. И проявляется эта претензия как фарс, ибо предполагает сиюминутный, весьма сомнительный комфорт по сравнению с претензией на признание свободного человека, способного анализировать проблемную ситуацию и свое место в ней, а также сделать выбор и принять всю меру ответственности за этот выбор.

Индивид может быть заложником не только Другого, но и своих собственных идей, которые по существу для него «чужие». Тестом для этих идей может быть только мера соответствия подготовки на их базе достойного ответа историческому вызову; мера приближения к оптимальному варианту разрешения сложившейся проблемной ситуации. «Чужие» идеи возникают при ложном толковании свободы как возможности произвола. Неприятие диалектики «свободы от» и «свободы для», как правило, открывает дорогу к очередному заблуждению, где естественное стремление к признанию обретает уродливые формы своего проявления.

Похоже, что только общество либеральной демократии приблизилось к осуществлению потребности признания как той предпосылки становления гражданской идентичности человека, которая стоит выше его витальных потребностей

Общество либеральной демократии демонстрировало победное шествие по странам Европы. Но демократия не панацея от всех бед, а всего лишь показатель поиска оптимальных форм развития общества. Эта форма возможна и эффективна, но не с позиции вертикали власти и ее позитивного права как инструмента регламента человеческого общежития в интересах государства, а с позиции естественного права как эталона должного поведения людей через призму их правоспособности, данной фактом рождения. Только такие базовые ценности человека, как отношение к жизни и состоянию свободы, мера равенства и справедливости, обеспечивают жизнеспособность либеральной демократии, ее востребованность в XXI веке, когда страны новоевропейской цивилизации столкнулись с кризисом всех сфер жизни общества.

Философия постмодерна обеспечила блестящую критику западноевропейской цивилизации, показав, что так жить нельзя [1, 5, 6]. Но эта философия не предложила конструктивных идей выхода из кризиса. Не предложила, ибо это прерогатива тех, кто пройдет дорогу переходного периода. Заявки на новые идеи как основание достойного ответа на исторический вызов, а также адаптация их на уровне консервативного большинства и будет означать выход из тупика, выход в новое качество общественного развития с вектором на паритет в системе «природа – общество – человек» и на формирование парадигмы коэволюции ее составляющих подсистем.

XXI век постоянно заявляет о необходимости пересмотра духовной жизни общества, возрождения органической связи культуры и цивилизации, которая была разорвана в XX веке достижениями научно-технической революции и научно-техническим прогрессом, когда общество и его отношение к миру воспроизводилось не средствами культуры, а техникой и технологиями цивилизации, что и обеспечило формирование особого антропологического типа личности, предпочитающего биофилии некрофилию, признавая только любовь к технике и разделяющего любовь к смерти.[7].

Человечество XXI века нуждается в обновлении духовной жизни общества, где наряду с новой политикой и новым правом, новым искусством и новой моралью, новой наукой и новой религией, заявит о себе и новая

философия. Пропедевтикой новой философии должны стать философия Просвещения и философия Образования с ориентиром на создание образа гуманистического мировоззрения и формирование адекватной методологической культуры освоения и преобразования мира по канонам Добра, Красоты и Разума.

Новая философия, как практическая философия XXI века в единстве с политологией и социологией, должна существенно отредактировать систему координат общественного развития, усилив и реанимировав коммуникативные отношения людей, их способность к самоуправлению за счет ослабления вертикали власти и делегирования властных полномочий местному сообществу [4].

XXI век должен отказаться от модели авторитета власти и принять новую модель власти авторитета, где субъектом признания выступает не ключевая личность президента или премьера, а согласованная воля общества с ориентиром на идею гражданского общества, отдавая себе отчет, что гражданское общество это не социальный проект, а линия горизонта, по которой можно выверять вектор своего развития. В XXI веке человечество может обеспечить пролонгацию своего развития исключительно под знаком идеи гражданского общества и ее производной – гражданского согласия.

Источники и литература

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург, 2000.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
3. Гражданское общество: истоки и современность / научный редактор И.И. Кальной. – СПб., 2006.
4. Кальной И.И., Шрейдер В.Ф. Самоуправление как фактор гражданского согласия. – Симферополь, 2006.
5. Слотердайд П. Критика цинического разума. – Екатеринбург, 2001.
6. Тоффлер О. Футурошок. – СПб., 1997;
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.

Николко М.В.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ДЕМОКРАТИЯХ: МОДЕРНИСТСКИЕ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ МОДЕЛИ

Национальное строительство на территории бывшего Советского Союза достигло максимальных «проектных мощностей». С одной стороны, демократическая политическая культура стала обыденной практикой граждан: ситуация выборов, противостояния ветвей власти, трансляция заседаний парламента – рутинные характеристики телевизионных новостей как в Украине, в Латвии, так и в Таджикистане или в Молдове. Конечно, принципы участия, возможность вовлечения в политический процесс у граждан разных стран по-прежнему остаются различной, однако, демократическая модель стала проблемой действия, а не ментальной проблемой.

Когнитивная картина гражданина любой из рассматриваемых стран характеризуется набором схожих составляющих: известные участники политического процесса, активное сотрудничество оных со СМИ, выработанные модели поведения (правилами игры). Изменения в составе элит наблюдаются, однако происходит (в большинстве случаев) по установленным и прозрачным правилам политической игры. Пришло время для осознанного строительства образа государства (не переходного типа), как для внутренних, так и для внешних акторов.

Цель данного исследования состоит в исследовании проблематики объективности существования нации и её роли в контексте государственного строительства.

Нация как объект.

Активность политической элиты и интеллектуалов в сфере демократического государственного строительства сталкивается с множеством трудностей. Первая трудность, какую демократическую модель выбрать? Разность в моделях демократии за более чем двухсотлетнюю историю модерна позволяет выделять несколько базовых моделей: либеральную (неолиберальную), консервативную и социал-демократическую модели. Каждая из которых имеет собственную историю и специфические воплощения в странах и континентах. Национальная и цивилизационная специфика существенным образом деформируют образ(ец) демократии.

Вторая, немаловажная трудность – как отвечать на вызовы глобализации и соотношение новых моделей интенсификации в сфере коммуникаций, бизнеса, социальности с традиционным национальным единством страны.

И, наконец, центральный вопрос, который тревожит умы многих интеллектуалов сегодня – есть ли нация? Другими словами, можно ли вычленивать совокупность людей, отличающихся от других стереотипами, моделями поведения и более объективными характеристиками (язык, ментальными конструктами цвет кожи, разрез глаз).

Модернистский подход в строительстве государства базируется на вере в объективное существование нации, как совокупности базовых констант: кровь (этническое родство), земля (традиционное владение территорией) и вера (религиозное единство). Однако, утверждать о целостности каждой из трех базовых составляющих на современном этапе очень сложно.

Во-первых, этапы ассимиляции, миграции этносов и полиэтническая мозаика современных государств не позволяет выделять этнос как целостность в привязке к земле. Территория так часто меняла государственную идентичность, что проследить и выявить коренной народ, проживавший на тех или иных пространствах не столько сложно, сколько бесперспективно. Факты перво-принадлежности земли могут дать прямо противоположные желаемому результаты (к примеру, если фокусировать свое внимание на принадлежности ряда крым-